Апостолы добра

Нона Александровна Яковлева

SHOUT
SHARE
IT

- Н.А.Яковлева, д-р иск., профессор

Н.А.Яковлева, д-р иск., профессор
Апостолы добра

… Мой дебют на педагогической сцене состоялся в 1946 году, когда мне было 10 лет и я училась в третьем классе 306 школы города Ленинграда. Жили мы тогда на Можайской, в общежитии треста ЛЕНСВЕТ: в блокаду наш дом сгорел и по возвращении из эвакуации нас поселили в маленьком двухэтажном флигеле во дворе, где было несколько комнат, в каждой из которых жило по семье. Так вот в одной семье был мальчишка, который два года не мог выбраться из первого класса, и мне поручили его «подтянуть». Как я его «подтягивала» — не помню, осталось в памяти только ощущение важной миссии и гордости от того, что выполнить ее удалось. Всю оставшуюся жизнь мама вспоминала этот мой первый опыт.

Второй раз довелось выступить в роли учителя в третьем классе в школе городка Пружаны, куда нас увез отец, не демобилизованный после войны. Учительница, которую срочно вызвали по делу, поручила мне то ли что-то почитать классу, то ли подиктовать, что я и исполнила с превеликим удовольствием, заслужив, как теперь говорят, неоднозначную оценку своей роли со стороны одноклассников.

В дальнейшем жизнь повела по учительской дорожке, и никакие попытки свернуть с нее так и не удались…

Начинаю статью с «мемуаров» для того, чтобы сразу было понятно: пишу о том, что знаю не из книжек, не из газет, не понаслышке, что по этой стерне я походила босыми ногами не год и не два, так что имею моральное право на высказываемые суждения. В частности, о том, как воспитать ***учителя.***

Вверх по лестнице, ведущей вверх …

Нет, я не собираюсь оспоривать набившую оскомину истину: учитель в России сегодня унижен и растоптан. И, конечно, достоин более высокой зарплаты!

И все-таки… Во-первых, не только *в России* — достаточно поговорить с коллегами, поработавшими хоть недолго в «быстроногой» стране, которую мы так и не можем «догнать и перегнать». Неуважение к педагогу там стало столь обыденным явлением, что на нем никто не фиксирует внимания: ну, вошли на лекцию без стука, ну, не попросили извинения за опоздание и не поздоровались, ну, расселись, выставив длинные ноги в проход, ну, заговорили в полный голос и заржали над какой-то шуточкой… Что тут такого? А что педагог приглашенный —

ништяк! — как выражаются *наши* вольнолюбцы. Система отношений «педагог-учащийся» как «обслуживаемый-обслуживающий» в «цивилизованном мире» давно стала нормой. Достаточно вспомнить классику: «Кентавр» Апдайка или «Вверх по лестнице, ведущей вниз» Беллы Кауфман — книги, которые мы, еще будучи молодыми учителями, читали с ужасом, радуясь тому, что живем в стране Советов, где роль учительницы в кино играет самая обаятельная из кинозвезд Марецкая — «Первая учительница»! Где вождя Владимира Ильича Ленина называют учителем. Где учителей награждают орденами и медалями наряду с другими героями труда.

Во-вторых, далеко не *сегодня* — то есть в постсоветской России — все свершилось. Если считать унизительной низкую зарплату, то в России Советской эта зарплата была, мягко говоря, весьма умеренной и несравнимой с той, которую получали не только водители автобусов, станочники или такелажники в порту, но и простые грузчики. Правда, чуть повыше той, которой удостаивались младшие научные сотрудники НИИ и работники музеев, клубов и прочих культурных учреждений.

Тем не менее, ряд низкооплачиваемых профессий, в число которых входили и учителя, оставался престижным — по многовековой традиции народа, сохранявшего память о великой силе и великой ценности культуры. Во всяком случае, всеми было признано: учитель — человек творческий, выполняющий важную — общественно значимую и благородную миссию. Его работа — *служение* народу на ниве просвещения.

Только в постсоветское время труд учителя из области воспитания будущей личности, в которой людям доверена самая большая ценность — маленькая прорастающая и расцветающая человеческая душа, — превратился в сферу услуг — со всеми вытекающими из этого особенностями планирования, функционирования и отчетности. Уже само это определение труда учителя как *педагогической услуги* — унизительно и психологически травматично. Сколь это значимо в «русскоговорящей среде» — для русских, у кого Слово всегда было у Бога! — доказывает резонансный факт: принять определение «иностранные агенты», деятели, имеющие зарубежных «спонсоров», не соглашаются даже под угрозой утратить материальную поддержку.

Не знаю, с чьей недоброй руки внедрено в систему образования понятие «услуги», но то, что само это слово разрушительно действует на самосознание и самоуважение русского учителя и на отношение к профессии, несомненно. А уж обо всех сопровождающих это определение чиновниками

придуманных радостях лицензирования, аттестации, отчетности и прочая и прочая — и не говорю! Чего стоят одни стандарты с массой мудреных форм, слов, нормативов. А бесконечные унизительные процедуры аттестаций и переаттестаций! Все эти модерн-нововведения действуют на учителя и отношение к нему окружающих гораздо сильнее, чем низкая зарплата.

И любимых учителей в школе становится все меньше. А ведь они были — у каждого из нас. С великой благодарностью вспоминаю Галину Антоновну Носенко, которая преподавала русский и литературу в школе № 11 в Чернигове, где отцовская воинская часть находилась с 1947 по 1951 год. Да, она была прекрасным преподавателем — не без ее влияния я стала сначала учительницей литературы. Вспоминаются не столько уроки, сколько наши выступления на радио, школьные вечера, где мы с Володей Мариловым — пришедшим к нам в пятый класс в солдатской форме сыном полка — вдохновенно читали Маяковского. Но главное — наши сборы в бедном, чтобы не сказать — нищем доме, где жила Галина Антоновна с мужем — бухгалтером и четырьмя ребятишками, начиная со старшего — Владика — Владлена и до Игоря — уже послевоенного последыша. Как же бедно и они, и мы жили! Наши матери старались с нами послать то миску дерунов — картофельных оладий, то еще что-нибудь съестное на всю ватагу! Как же весело, дружно и интересно мы жили, чувствуя себя одной семьей! Уверена — Галина Антоновна была счастливым человеком — по самому большому счету. Ее вера в правоту идеи, которую она защищала в войну в партизанском отряде, — по слухам, она воевала, хотя ни разу не упомянула об этом — была столь глубокой и заразительно искренней, что в 1961 году я подала заявление в партию потому, что в ней состояли Галина Антоновна и мой отец Александр Тихонович Титов — для меня бывшие образцом настоящих коммунистов. Это по ее стопам я пришла в дом, на воротах которого помещен герб — пеликан, кормящий птенцов, символ самоотверженности труда воспитателя: пединститут имени Герцена — преемник Воспитательного дома в Петербурге, основанного Екатериной Великой.

Поговорите со старшими — у каждого был любимый учитель. Десятки наставников забылись, чьи-то имена вспоминаются с неприязнью или злорадством — «как мы ее доводили!» — но у всех был и любимый учитель, который любил своих учеников, дарил им свою любовь и учил добру.

Наши учителя воспитывали нас и старались сделать людьми — советскими людьми послевоенной формации. Уверяю вас — это не худшая формация, и «шестидесятники» XX века, которых

вырастила послевоенная школа — не худшая популяция русского человека.

А мы, учителя шестидесятых по системе «делай, как я», научились от наших послевоенных учителей летать — быть счастливыми, получать радость от самого этого труда. Взяли лучшее и поняли главное: как нет ничего лучше работы любимой, особенно учительской, так нет ничего страшнее работы нелюбимой, особенно педагогической. Это и есть ненавистная каторга. Вне зависимости от зарплаты. Хотя хорошая зарплата ни в каком деле никому не мешала. Впрочем, нас, публику 60-х, весьма склонную к самоиронии, согревал парадокс: мы занимались любимым делом, в придачу к которому нам еще и деньги платили! Мы, пережившие культ личности и последствия его разоблачения, вынужденные выскребать из души «сталинских солдатиков», какими были в раннем детстве, поняв, что человек должен научиться думать и оценивать окружающее своим умом, старались учить своих питомцев думать самостоятельно. А так как во многом оставались наивными и к тому же нам очень хотелось в 1980 году жить при коммунизме, мы воспитывали их идеалистами. Утешает то, что в абсолютном большинстве они, вскормленные высокой русской литературой Х1Х века и поэзией шестидесятых годов века ХХ, выросли порядочными людьми. Смею об этом громко заявить, потому что по сей день поддерживаю связь с выпускниками 1965 года Братской школы № 13…

Вниз по лестнице, ведущей вверх…

Однако, как мне на долгом веку довелось увидеть, авторитет учительской профессии от десятилетия к десятилетию неуклонно идет вниз. И есть тому причины объективные, которые если и можно нейтрализовать, то на государственном — или на сугубо личном! — уровне. Потому что учитель одну за другой продолжает терять опоры своего непререкаемого авторитета.

Напомним общеизвестное: в неграмотной России, особенно в русской деревне учитель если и не был единственным грамотеем, то уж во всяком случае своей образованностью на голову — простите невольный каламбур! — возвышался над окружающими. Его авторитет уступал — и то не всегда — только авторитету священника, за которым стояла Церковь, и притом Церковь — не как социальный институт и даже не как дом молитвы, а как Тело Христово, несущее человеку Свет Веры. Учитель был источником света — иного, идущего от человека, просветителем в полном смысле этого слова: представителем высокой гуманитарной русской культуры, сформированной в течение XVIII-XIX веков. Выражаясь сухим современным языком, эксклюзивным

источником позитивной информации о мире и человеке.

Большевистская власть, на счету которой немало грехов, имела и великие заслуги, среди которых едва ли не главная — ЛИКБЕЗ, то есть ликвидация безграмотности в стране. Закон о всеобщем образовании долгие десятилетия был поистине законом. Свидетельствую: когда во время рейда «Учительской газеты» совместно с ленинградской газетой «Смена» в конце 1960-х мы — два корреспондента — обнаружили в Выборгском районе Ленинградской области среди тысяч детей несколько (порядка 10) ребятишек школьного возраста, не посещавших школу, скандал был грандиозный, и симпатичная молодая заведующая райотдела народного образования рыдала, как девочка, в предчувствии неизбежных оргвыводов. И учитель в новых условиях, в грамотной России, должен был выполнять новые, но не менее благородные задачи.

Послевоенная школа — после десятилетий наробразовских экспериментов — была возвращена в славное прошлое: ее основой стал гибрид классической русской гимназии Х1Х века и реального училища с его уклоном в естественные и математические науки. Конечно, минус Закон Божий, латынь с древнегреческим, бывшие идеальной основой для дальнейшего изучения европейских языков, плюс марксистско-ленинская идеология.

Да, эта система имела свои пороки: из литературы были исключены многие достославные имена, заскорузлые социологические учебники ориентировали на изучение «типичных представителей». Но ведь никто не мешал проснувшемуся интересу к предмету, не закрывал двери в библиотеку, где можно было брать том за томом полные собрания сочинений не только Пушкина и Толстого, но и Аксакова, и Тютчева, и Пастернака, а при большом желании — найти у родных и знакомых Ахматову и Цветаеву. И читать не учебники по литературе, а Белинского и Герцена. Это в том случае, если учитель выполнял новую главную задачу: пробудить интерес к знанию и указать путь к нему.

Какими бы ни были издержки этого образования, именно получив его, мы ощутили себя наследниками не пролетарской, а *всей* отечественной культуры. И это в нашем поколении произошел взлет поэзии 1960-х.

Правда, тогда мы еще не знали, насколько наше наследие богаче и обширнее. И все же мы получили очень, немыслимо много: перед нами открылись двери в сокровищницу русской и мировой культуры

Отдадим должное советской власти — в послевоенные

десятилетия было сделано все, чтобы обеспечить грамотному — а значит, каждому человеку в нашей стране доступ к классической русской культуре.

В наших книжных шкафах и сегодня стоят огромного формата и внушительной толщины тома сочинений русских писателей и поэтов издания 1940-х годов. Их можно было бы назвать высоким словом — фолианты, если бы они не были напечатаны на рыхлой газетной бумаге и заключены в картонные грубые переплеты. Но каким счастьем был для меня полученный в подарок том сочинений Некрасова! Я практически все стихи выучила наизусть и многое помню до сей поры.

Журнал «Огонек» с его немыслимыми тиражами и доступной по цене подпиской в каждом номере помещал цветную вкладку с репродукциями произведений русских художников и очерки о их жизни и творчестве. И то, что я в конце концов стала искусствоведом — в немалой мере результат того, что после пятого класса отец подарил мне подписку на «Огонек» и вместе со мной читал, рассматривал и комментировал эти вкладки.

Концерты классической музыки и передачи «Театра у микрофона» несли культуру в каждый дом. Работали сотни клубов и библиотек. Хорошо помню, как родители читали ночами «Одноэтажную Америку» Ильфа и Петрова, которую им дали очень ненадолго друзья. Уже в те годы началось повальное увлечение домашними библиотеками, на книжки записывались, стояли в очереди, сдавали макулатуру. Концертные бригады ездили по стране. Общество по распространению всяческих знаний, несмотря на свое угловатое наименование, насчитывало десятки тысяч лекторов — и маститых, и молодых. В послевоенные десятилетия заработали десятки тысяч народных университетов по всем специальностям вплоть до общественных профессий, где учились те, кто не смог удовлетворить свою тягу к знаниям из-за войны.

Так учитель вроде бы утратил важную опору своего авторитета — перестал быть главным источником информации. Зато в школе усилилась его другая — воспитательная функция: он должен был привить интерес к великой русской литературе и гуманитарной культуре, научить воспринимать ее глубинный смысл, сделать средством очеловечивания человека. Факультативы в 1960-е годы расширяли программу. Программы по физико-математическим и естественным наукам дополнялись «занимательными» книжками. Все было подчинено главной задаче: вовлечь формирующегося человечка в мир знаний, образовать — просветить его.

Стоит ли продолжать? Можно шаг за шагом проследить, как

менялись — от поколения к поколению — задачи учителя в нашей школе. Как колебались — от десятилетия к десятилетию — функции школы. Уверена — это вполне диссертабельная тема. Впрочем, может быть, кто-то и провел уже такое исследование и даже защитил докторскую по названной теме. А я просто предлагаю каждому, кто читает эту статью, вспомнить своего любимого учителя. Почти уверенно могу сказать: чем моложе поколение — тем реже такие воспоминания, тем бледнее образы. И совсем не случайно мои внуки чаще вспоминают педагогов Китеж-града — центра творческого развития в Петербурге, с начала 1990-х спасавшего от влияния ядовитой среды десятки детей. А внуки моей подруги — детский центр Русского музея…

Выжить в эпоху перемен, или вниз по лестнице, ведущей вниз…

Труднее всего осознаются очевидные истины. Мы, живущие в эпоху всяческих революционных потрясений, на словах вроде бы и формулируем тезис об информационной революции — о ***глобальной информационной революции***. Но ее значимость осознается немногими. А ведь компьютер и Интернет по мощи воздействия на судьбы человечества несравнимы даже с изобретением печатного станка. Разве что с появлением письменности. Между тем школа наша остается все той же, что и полвека назад. Никакая ее оснащенность компьютерами и подключение к Интернету, никакое обучение учителей компьютерной грамотности ничего изменить не в силах. Так же как любое — самое что ни на есть высокое повышение зарплаты, шоу «Учитель года» и стаи хрустальных, серебряных, золотых и каких там еще пеликанов. Потому что в принципе *учитель остается прежним*. Он все еще претендует на то, чтобы быть источником знаний о мире. Он все еще пытается «объяснить урок» и сообщить — транслировать — новые знания ученикам, которые привыкли получать их, нажав на две клавиши. Потому что так учителя подготовили — по-прежнему и даже хуже, чем двадцать лет назад. Да, он работает с интерактивной доской, выдает заболевшим ученикам задание по интернету, ставит оценки в электронные дневники. И — натаскивает на ЕГЭ, то есть оказывает педагогические услуги. В такой ситуации главная радость труда — повышение зарплаты. Или какие-то льготы, которые то дают, то отбирают. В ситуации бессилия и сознания невозможности что-либо изменить, учитель теряет радость творчества, уважение к своему труду, а значит, и самоуважение — становой хребет личности.

Конечно, по-прежнему работают в школе светлые души. Нет, я не имею в виду заласканных учителей-«отличников» из

столичных гимназий, баловней судьбы, чьим ученикам выстелена дорожка в самые престижные вузы. Нет, я говорю об учителях, которые умудряются оставаться друзьями своих питомцев, соперничая с социальными сетями и интернет-клубами. О тех, кому все-таки доверяют очень непростые сегодняшние подростки. С кем они говорят, сбросив маски своих «ников» и показной цинизм. Я не верю, что таких учителей не осталось в школе. Их счастье, если они попали в приличные условия хорошего — нормального коллектива с нормальным начальством. Даже в сельской местности, где печь топят дровами и осенью копают картошку, чтобы пережить зиму, даже с зарплатой ниже средней по региону, даже изнемогая под грузом отчетности, они могут быть счастливыми людьми — если они прирожденные учителя. Потому что вопреки всем обстоятельствам они сегодня выполняют свою главную миссию: противостоят системе, ориентированной на оболванивание человека, на *расчеловечивание* человека. Их к выполнению такой работы не готовили, но в силу своего призвания, получив от Бога свой талант — быть учителем, — они нутром понимают: сегодня их главная миссия — нести детям Добро, воспитывать детскую душу, используя все ресурсы, какие можно наскрести в нашей пропитанной злом реальности. И среди техники, которую — волей или неволей, по неведению ли или по злому умыслу некие силы абсолютизируют целенаправленно, превращая из помощника и слуги в хозяина-господина.

Так некогда Учитель отправил в мир своих учеников. И учил их до последней минуты одному: «Да любите друг друга!» Любите своих учеников!

Наши педвузы не готовят специалиста по профилю «Апостол Добра». И идут в педагоги те, кому «не светит» поступление в более престижные учебные заведения. Более того: наши педвузы, зайдя в тупик, давно уже перестали готовить учителей. Все эти годы, поставленные в немыслимые условия, они были заняты решением одной проблемы: как выжить. Выживут не все.

Гильотина как лучшее средство от головной боли, или Пеликаны на снегу…

По стране идет зловещая жатва: закрываются десятки педагогических вузов. В тех, кого пощадила рука министерского чиновника, закрываются кафедры, идет сокращение педагогического состава. Остаются, как всегда, наиболее «удобные», самые адаптивные и выносливые — потому что весьма заметно увеличивается часовая нагрузка на педагога. Увольняют тех, кем труднее управлять — а это нередко самые талантливые, опытные и принципиальные. Так вершится пресловутая

«модернизация педагогического образования» …

Охотно верю, что среди закрытых педагогических вузов немало «неэффективных». Предположим, среди них есть действительно малоэффективные — признанные таковыми не по формальным признакам вроде не вовремя заключенных договоров об аренде того-сего, а за дело: те, где зачет или положительную оценку на экзамене можно получить за мзду, чьи выпускники не идут в школы, а пополняют ряды «менеджеров по продаже» — попросту говоря, продавцов, работников бухгалтерии и прочих «специалистов», кому дипломные корочки помогают «покрасившее» выглядеть в резюме при устройстве на работу. Конечно, проще закрыть вузы, используя демографическую яму, чем разбираться в причинах создавшейся ситуации и разрабатывать меры по ее исправлению, использовав кадровую передышку в системе образования. Но все же — так ли уж виноваты педвузы?

Можно понять институты, которые получили в 1990-е годы право сменить вывеску и гордо влиться в ряды университетов: новый статус давал немало преимуществ, а кто же от них откажется, тем более нищие педвузы, которые всегда финансировались на пределе возможностей! И пошло-поехало! Кого только не готовят новоиспеченные университеты, каких только факультетов с красивыми и модными названиями в них нет! А исследовательские институты внутри университетов! А всевозможные филиалы и курсы по подготовке и переподготовке! А иностранные студенты и аспиранты с их оплатой обучения в конвертируемой валюте, благодаря которой начальство живет ах как красиво! И готовят эти наши университеты кого угодно, кроме учителей!

Не буду говорить о факультетах, которые хуже знаю. Возьму «худграфы», на одном из которых проработала 33 года, с их извечной, то тлеющей, то вновь разгорающейся батрахомеомахией «художников» и «методистов». Можно сколько угодно осуждать педагогов-художников, которые приходили на должности сначала старших преподавателей, потом доцентов, а потом и профессоров, не имея никакой педагогической подготовки. И умудрялись известным способом получать ученые степени, не будучи учеными. Эти факультеты — лучшее доказательство очевидной, хотя и вслух не признаваемой истины: подготовка педагога, хотим мы того или нет, идет по системе «делай, как я». Если любой педагог попристальнее всмотрится в себя, он не сможет не признать: никакие методики с педагогиками не оказали на него такого влияния, как пример любимого учителя. Мы все склонны к воспроизведению той

системы, в которой сами были обучены. Тем более в тех случаях, когда профессиональной педагогической выучки не прошли. На худграфах большинство художников, кроме прирожденных педагогов, таких как, например, Борис Михайлович Неменский, может готовить только себе подобных. И как они могут готовить педагогов, если их собственный педагогический опыт основывался на той системе обучения, которую они сами прошли в художественном вузе?! Естественно, они и приносят с собой эту систему, и учат будущих учителей, как художников, и гордятся теми выпускниками, которые стали членами Союза художников! Было всегда и остается сегодня их затаенной мечтой стремление в педвузе организовать ма-а-аленькую академию художеств. И чтобы не мешали эти надоедные методисты и настырные искусствоведы правильно, достойно — «творческим дипломом» — картиной или серией графических работ! — завершить тот процесс обучения на факультете изобразительного искусства, который начался на приемных экзаменах, где на особых экзаменах отбирались самые подготовленные или хотя бы обладающие специальной одаренностью *в области изобразительного искусства*. Заметим на полях: ***никаких специальных экзаменов на одаренность педагогическую в советском педвузе отродясь не было. И в российском нет!***

В нашу рыночно-потребительскую эпоху извечное для этих факультетов противостояние между «художниками» и «методистами» не могло не завершиться победой первых: именно эти факультеты стали приносить педвузам самые ощутимые прибыли. Сохраненная вопреки «мировому тренду» русская художественная школа привлекает к нам сотни и сотни учащихся с Востока, который «заболел» тягой к европейскому изобразительному искусству. Теперь деканы факультетов изобразительного искусства, получив в руки не только бразды правления, но и «материальные рычаги» и пользуясь безоговорочной поддержкой ректората — кто же от живых денег откажется?! — обрели вожделенное право единолично определять политику факультета и спокойно выживают всех, по тем или иным причинам неугодных и неудобных. И прежде всего — тех, кто пытается хоть как-то сохранить ориентацию процесса обучения на школу.

Желаете доказательств? Решите задачу: на факультете изобразительного искусства из четырех кафедр — художественного образования, декоративно-прикладного искусства, рисунка и живописи две должны быть слиты в одну. Как вы думаете, какие? Конечно, первые из названных. Хотя на первой — история искусства, создающая базу гуманитарно-

художественной образованности, методика преподавания, музейная педагогика, а на второй обучают различным видам художественной деятельности, которую так любят и школьники, и дошкольники! Зато «творческие» кафедры, задача которых всего лишь познакомить с опытом и основами художественного творчества, конечно, остаются в полной сохранности.

Можно спеть песню безумству храбрых, в этой ситуации вступавших в борьбу за будущего учителя, можно написать еще одну статью (это уже самоирония!), но «против лома нет приема, если нет другого лома»! Говорят, в какой-то речи бывший доцент университета в те дни президент Дмитрий Медведев сказал, что педвузы не нужны, поскольку любой предметник — выпускник «большого университета» — может преподавать в школе. Не знаю, сама этого заявления не слышала, но произошедшие события говорят о том, что оно было возможно: институты — то закрыли!

Хорошо помню, как на пороге 1990-х расцвела педагогическая мысль. И опять — только о том, что знаю лучше всего, об именах, людях, идеях самых ярких и продуктивных: Л.М.Предтеченская с М.С.Каганом придумали новый предмет — мировую художественную культуру, Б.М.Неменский — редкая личность художника-педагога в высшем смысле этого слова — напомнил о том, что преподавание искусства в школе — самый эффективный путь воспитания взращиваемой души. Вслед затем началась гуманитаризация — гуманизация не только школьного, но и вузовского учебного процесса. Кафедры художественной культуры открывались в вузах самых разных профилей, и «гуманитарная подушка» стала основой первых государственных стандартов вузовского образования! Кто и когда незаметно и ловко выдернул из-под системы педагогического образования эту подушку?

Но и в лучшие времена педвузы не были ориентированы на отбор людей с выраженной педагогической одаренностью. Неужели и сегодня мы не поймем: можно поменять содержание образования, разработать новые методики (ненавижу слово «технологии» в применении к человеку!) На это уйдут годы. Но ничего не изменится, пока не появится настоящий учитель.

Да, власть делает ставку на предметников — иными словами, информаторов. То есть не просто загоняет болезнь внутрь, а усугубляет ее. Как губят систему образования, лишая ее смысла, все бюрократические стандарты с их педагогическим воляпюком, напридуманным чиновниками от педагогики за последние два десятилетия. Как губит продуктивную идею единого государственного экзамена возведенная в сей высокий ранг любимая телеигра американских домохозяек, над которой мы потешались в 1960-1970-е годы. Только там премией были

кофемолки и кухонные комбайны, а здесь угаданный или не угаданный ответ решает судьбу человека. А то, что информационным натаскиванием вместо обучения ставится на голову и разрушается весь учебный процесс, лишенный главного смысла, что в сознании выпускника школы безнадежно дробится на пазлы целостная картина мира и воспитывается осколочное, или «клиповое» — самое непродуктивное мышление — вроде никого и не интересует! Или, напротив, кого-то вполне устраивает? Добавьте к этому разрушительное воздействие криминогенной, агрессивной и по большому счету лживой «телекартинки мира», присутствующей в каждом доме. Чтобы уж довершить выполнение неизвестно (или известно?) чьего заказа полного разрушения личности, самое широкое распространение получили компьютерные «стрелялки». Как говорят осведомленные люди, эти игры были придуманы в свое время для того, чтобы разрушить глубинные табу человеческой психики — запрет на убиение себе подобного, которые приводили к массовому психозу американских солдат во время и по окончании войны во Вьетнаме. Сегодня «стрелялки» разрушают эти фундаментальные табу в психике наших детей и становятся механизмом массового производства отморозков, с наивным садизмом выкладывающих в интернет видеоролики с записью своих подвигов. В частности, например, издевательств над старой учительницей физкультуры…

Давайте посмотрим правде в глаза: авторитет учителя сегодня и правда упал ниже плинтуса. Ни одна учительская голова по объему информации не сравнится с компьютером, а тем более интернетом. Даже если она, эта голова, владеет новыми технологиями — это не заставит сегодняшних детей смотреть на нее с немым восторгом: они, нынешние, кажется, уже и рождаются с гаджетами в руках! Ну, в крайнем случае — под подушкой.

Ни один честный учитель не заработает праведными трудами ни палат каменных, ни даже крутой «тачки», что также могло бы поразить воображение его питомцев.

Что остается? Чем их взять, сегодняшних, прагматичных, целеустремленных и — как им кажется, — самодостаточных — это в лучшем случае, когда они хорошо «упакованы». А тем более других, лишенных возможности потреблять в обществе потребления, жадно провожающих глазами недоступные им принадлежности «красивой жизни» и ослепленных жаждой иметь их, ожесточенных этой жаждой? Нищий учитель для них — пример того, что нельзя, немыслимо жить честным трудом. И никакие благие призывы, услышанные от такого человека,

который своей «неприспособленностью» вызывает их презрительное или в лучшем случае пренебрежительное отношение, не могут вызвать никаких не то что светлых чувств, но и простых позитивных эмоций. Так что же — тупик? Сдаемся на милость зла — победителя?

Да — если забудем, что все они, эти плюющие на все, и на нас с вами в том числе, гордо носящие драные джинсы и натягивающие на глаза капюшоны, говорящие на своем, не всегда нам понятном языке, выкладывающие в Интернет самые немыслимые свои подвиги, — наши дети, часто — заброшенные и одинокие, уходящие в соцсети и обманутые иллюзией общения, в глубине души ожидающие, жаждущие любви, тепла и доброго слова. Просто нужно уметь понять их. А главное — полюбить.

Я уже писала об этом, повторюсь: в борьбе добра со злом у нас есть два великих союзника — Вера и великая русская гуманитарная культура. Как человек православный, скажу: за тысячу лет православия были созданы такие духовные богатства, которых нам еще не на одну тысячу лет хватит. Два века русской светской гуманитарной культуры пополнили национальную сокровищницу Добра. Первый проводник в мир Добра — семья. Входящий в мир человек должен впитывать его с молоком матери — прежде всего в семье. А это значит, что сегодня, подняв рождаемость, мы должны распахнуть перед семьей настежь вход в эту сокровищницу. И понять: сегодня семья — наша главная забота, главная точка приложения сил всего мира русского и властей предержащих. Только получив в семье первую «прививку Добра», человек в школе не отвернется от него.

Но семья передает свое чадо школе. И там его должен встретить Настоящий учитель. Способный принять под крыло своих питомцев. Нет, не ангел, просто человек, окрыленный радостью любимого дела. Ради своих питомцев способный на самопожертвование — как легендарный пеликан, в раннем христианстве ставший символом жертвенной любви.

АПОСТОЛЫ ДОБРА!

Да нет, я не слепая идеалистка из числа престарелых шестидесятников. Хотя в чем-то… Мое преимущество в том, что я смотрю на сложившуюся систему образования изнутри. А так как смотрю очень долго — больше 50 лет, то хорошо знаю, что видимость далеко не всегда адекватна сущности. Что и сегодня в наших вузах большинство преподавателей *не берет* взятки. Что большая — на какой слог ни ставь ударение — часть диссертантов и их руководителей выполняют научные работы *«на чистом сливочном масле»*. Что в школе остаются *настоящие учителя*, как были они всегда. Потому что учитель — это не

должность, а призвание, талант — большой, средний или маленький, но именно талант, данный человеку Богом. И одаренные им люди есть.

Но сегодня таким — настоящим учителем! — должен стать не десятый, двадцатый или тридцатый учитель, а как минимум каждый второй. И мы должны понять, каким он должен быть, каковы его нынешние функции в «модернизированной» — «окомпьютеренной» и «обинтернеченной» школе? И как его готовить в вузе. Потому что педагогическая наука этим почему-то никак не озаботится. Ни один стандарт не ставит перед вузом задачи подготовить учителя как проводника Добра и воспитателя души.

А мы сегодня обязаны объявить настоящую охоту за *педагогически одаренными детьми, подростками, юношеством* — от младшеклассников до выпускников школы! Мы должны научиться замечать эту одаренность с младых ногтей, лелеять ее при помощи особых — педагогических игр и игрушек, всевозможных забав, взращивать нежно и бережно в соответствующих кружках и клубах, летних и зимних лагерях, специальных педагогических олимпиадах.

Мы должны, нет, обязаны организовать особые испытания для тех, кто будет поступать в педагогический вуз, испытания, аналогичные тем, которые проходят поступающие в театральную студию, в консерваторию, в вузы художественные.

А для этого необходимо научиться выделять среди множества поступающих — абитуриентов педагогически одаренных.

Для этого педагоги и психологи должны сказать: что собою представляет личность педагогического типа, человек, созданный Господом для выполнения именно этой работы, избранный им для того, чтобы в наше злое время стать Апостолом Добра! Это возможно. Ведь почему-то окружающие очень быстро вычисляют в толпе людей, поработавших в школе. Они не всегда приятны в общении, потому что всех и везде учат: пассажиров в метро, продавцов в магазине, врачей в поликлинике, старушек на скамейке у дома. И детей — без различия пола и возраста. Особенно тогда, когда лишаются своей работы и своей аудитории. *Личность педагогического типа* — это примерно то же, что художественно одаренный человек. Пеликан, способный своею кровью напитать умирающих от голода птенцов. Попав на свое место, он умножит данный ему талант. Оказавшись вне определенной ему сферы деятельности, вынужденный закопать талант в землю, он окажется нерадивым рабом: станет досаждать окружающим своими бесконечными поучениями, бесцельными и бесплодными. Он так нужен — необходим нам сегодня! — а

никто и не думает о том, чтобы привести его в школу.

Я много лет была членом очень уважаемого совета по защите педагогических диссертаций. Это был отнюдь не худший из советов. Там бывали честные дискуссии, там защищались честно написанные диссертации. Но почему-то как правило под сомнение ставились прежде всего работы, основанные на реальном педагогическом опыте, удовлетворявшие реальные педагогические нужды. Звучал грозный вопрос: «А где же тут наука?», — от которого диссертант съеживался и начинал робко оправдываться. Зато успешно работали «с понятиями», разрабатывая тезаурус педагогической науки.

Браво! И это — задача достойная. Но в этом совете не была защищена самая нужная — и не сегодня, а очень давно, когда только начинался кризис педагогического образования — диссертация на тему «Личность педагогического типа. Критерии определения и система подготовки». Понимаю, что формулировка небезупречна. Признаю возможность того, что сегодня такая диссертация уже маринуется в ВАКе или где там сегодня находится эта мариновальная посудина. Но факт есть факт: в педвуз приходят самые разные, и чаще случайные люди. Потому что сегодня никаких преференций для педагогически одаренных выпускников при их поступлении в педвуз нет. И ни один ректор педвуза не озабочен тем, чтобы именно такие люди пришли в стены его учебного заведения.

И то, что после окончания учебы многие сегодняшние дипломированные педагоги не идут преподавать, не беда, а счастье для их потенциальных питомцев. Высокая зарплата только усугубит ситуацию: ошибки плохого учителя — вывихнутые души — сказываются спустя десятилетия. И за них не осужден до сих пор ни один педагог.

Но отобрать среди поступающих и принять — заманить в педвузы — прирожденных, педагогически одаренных юношей и девушек недостаточно. Нужно перестроить всю систему их подготовки.

Да, конечно, им сегодня необходима информатика — в полном объеме.

Да, знание предмета и увлеченность им — как раньше. Среди любимых учителей, кумиров учеников, которых я знала и видела немало, не было ни одного невежды, не знавшего и не любившего свой предмет.

Да, гуманитарная культура в самом большом из возможных объемов, в оригинале, со всевозможными льготами, обеспечивающими доступность ее для студентов — будущих педагогов. Предметная — культурологическая практика в зимние

и летние каникулы, поездки за границу — в Италию, Грецию, Францию и другие культурные центры мира. А значит — знание языков, и не одного. И творческая работа в различных видах искусства — по выбору студента. Добровольный труд в сфере внешкольного образования, в сфере благотворительности — везде, где востребована доброта.

Птицы учат птенцов летать по принципу «делай, как я». Во всяком обучении творчеству этот принцип сохраняется, и еще ни один виртуоз не воспитан по самоучителю. В области образования принцип подражания, уподобления, остающийся основополагающим в процессе формирования личности, в полном небрежении. А он — уверена — должен лечь в основу сегодняшней экстремальной по своему характеру системы подготовки учителя. И главное — это обучение на новых основаниях силами лучших педагогов страны, тех, кого называют «учителями от Бога». Они есть. И в школе, и в вузе. Но сегодня именно на них нужно сделать ставку, им обеспечить возможность учить по системе «делай, как я»! Лучшие учителя должны прийти в педвузы, и оплата их труда не должна зависеть от ученой степени или звания, она должна быть самой высокой — этакая стипендия Почетного пеликана! Пока они есть в школах. Как говаривал Учитель: врач нужен не здоровому, а больному! Наше общество нравственно деградировало, и начинать лечение нужно с детского возраста. А между тем и пробиться к нужному образованию, и получить нужное образование, и работать в системе образования им, пеликанам — Апостолам Добра, сегодня практически невозможно.

Так что повторю еще и еще раз: необходимо срочно и коренным образом менять всю систему подготовки учителя, осознав его новые функции. То есть, исходя из понимания новой роли учителя в школе. Потому что никакие компьютеры, никакие интернет-ресурсы не смогут выполнить поистине высокую миссию учителя в современной школе: в сегодняшней бесчеловечной, расчеловечивающей — глобальной! — среде взращивать Человека. Вырабатывать у него иммунитет ко злу. Воспитывать способность ему противиться. Вопреки всему, не поддаваться дьявольской приманке потребительства.

И только в такой системе может быть выращен и придет в школу учитель, получающий радость от своего изматывающего, безумно тяжелого и бесконечно любимого труда. Для власти это значит не закрывать педагогические вузы, а в корне их преобразовывать: сделать ставку на поиски и взращивание личности педагогического типа, а значит, всю систему педагогического образования ставить с головы на ноги.

И тогда в школу придет настоящий учитель. Не модернизированная — нет, получившая современное образование старая, как мир, мудрая, как благородная старость, способная принять в теплые руки душу маленького человека и взрастить ее личность педагогического типа …

Некогда Господь увидел, что проходят над землей века, а человек не становится лучше. И Он послал людям Своего Сына — Учителя Иисуса. Его услышали немногие. Поняли — еще меньше. И тогда Он избрал сначала 12 учеников, потом — еще 70. И взошел на Голгофу. А Его ученики пошли в мир, неся Евангелие — Благую Весть. Так людям был доверен Свет Веры и Добра. Мы обязаны его сохранить. Свет Веры — в семье. Свет Добра — в школе, где должен работать настоящий учитель. Апостол Добра.